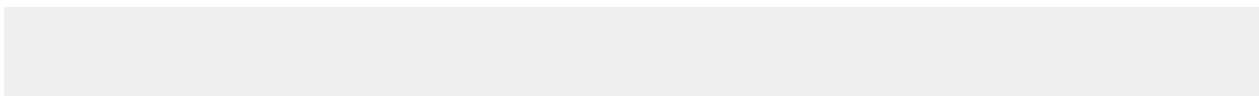

БААН ТОТОВЕНЦ

СВЕТЛО-ГОЛУБЫЕ ЦВЕТЫ

Полис 1971

Перевод Р. Григоряна

На ее похороны пришло несколько человек: сестра покойной — Турвантан с мужем паланчи[38] Григором, брат ее мужа — Симон, два соседа с женами, поп да пономарь: дьячку поп приходить не велел, чтобы вырученные деньги потом поделить только с пономарем.

Сару похоронили на кладбище рядом с мужем, который умер еще год назад и, наверное, с нетерпением ждал ее.

Тут же у могилы нон потребовал денег и, получив их, быстро, не простившись ни с кем, исчез.

Выйдя за кладбищенские ворота, собравшиеся разошлись.

Паланчи Григор сказал Турвантан:

— Ну, жена, я пойду в мастерскую.

А дома, теперь круглый сирота, пятилетний Торик дожидался возвращения тетки.

Перед выносом тела заплаканная Турвантан вспомнила о ребенке, вернулась в дом, сунула кусок черствого хлеба малышу в руки, посадила на палас[39] и сказала:

— Торик, птенчик мой, не уходи никуда, я скоро вернусь.

Торик стал есть хлеб. Турвантан накинула на голову черную шаль и торопливо вышла.

Когда она вернулась с похорон, Торик, расправившись с краюхой хлеба, играл с котенком. Он манил его к себе оставшейся корочкой, а когда котенок приближался, отдергивал от его когтистых лапок хлеб и весело смеялся.

Вид беззаботного ребенка, играющего на паласе, заставил больно сжаться сердце Турвантан. Она зарыдала.

Во всем мире, кроме нее, не было ни души, кто бы позаботился об этом сироте... И Турвантан, не долго думая, укутав Торику в свою черную шаль, взяла к себе. Дома она разожгла огонь, согрела воду, выкупала ребенка и уложила спать. Пока он спал, Турвантан выстирала рубашонку, высушила на солнце, залатала. Одев Торику во все чистое, она стала дожидаться возвращения мужа из мастерской.

Когда паланчи Григор пришел вечером домой, Турвантан встретила мужа у ворот с мальчиком на руках, и когда он подошел к ней, сказала:

— Ты всегда говорил, что в каждом настоящем доме должен быть ребенок. Вот тебе сын, считай, что я его родила.

Шел уж двадцатый год их брака, а детей у них все не было, хотя супруги счет потеряли свечам, которые ставили в церкви, умоляя всевышнего помочь им.

Григор долго и внимательно смотрел на улыбающегося Торику, и сердце его сжалось, он подмигнул мальчику, взял его из рук жены, поцеловал и сказал:

— Наконец бог смилостивился над нами.

— Если бы не мы, что бы с ним стало, — сказала Турвантан.

— Бросили бы его в сиротский дом, — ответил Григор.

Турвантан расплакалась, вспомнив свою несчастную сестру, покоившуюся на кладбище, под густой тенью тутовника.

* * *

Турвантан Коро и паланчи Григор полюбили Торику настоящей родительской любовью. Только теперь поняли они, что такое в доме ребенок. Не прошло и нескольких месяцев, как им стало казаться, что Торик родился и вырос у них. А Торик был удивительно спокойным ребенком: не плакал, не проказничал. Усадят его куда-нибудь — сидит на месте, пока о нем не вспомнят. Уложат спать на правом боку, проснется в том же положении. Дадут поесть — ест с удовольствием, не дадут — молчит, не просит.

— Эй, Торик, — кричал Григор, возвращаясь из мастерской, — где ты?

Торик спокойно поворачивал голову к отцу и, глядя на него ясными глазами, улыбался.

— Божье создание, а не ребенок, — любила говорить Турвантан.

— Жаль только, вялый немного, — сокрушался паланчи Григор. На что жена всегда сердито хмурила брови.

Иногда Турвантан усаживала мальчика на палас, посланный на полу, и говорила ему:

— Торик, родненький, ты поиграй немного, а я пойду на базар и скоро вернусь.

Она запирала дверь на замок, отправлялась на базар за покупками, а Торик, пока ее не было, часами сидел на паласе, не шелохнувшись.

Как-то Григор, долго наблюдавший за ребенком, сказал:

— Какой-то неживой он у нас.

— Не говори так. И без того ребенок обижен богом, он сирота, — упрекнула его Турвантан.

Григор промолчал, но в душе не мирился с тем, что у его сына такой забитый, жалкий вид. Ему казалось, может и без всяких на то оснований, — будь Торик его родным сыном, он был бы жизнерадостным, сообразительным, бойким мальчишкой. Почему так казалось, ему трудно было объяснить, но говорить на эту тему он мог без конца.

Однажды Турвантан возмутилась:

— Столько лет мы с тобой мечтали о ребенке, ведь не было. Скажи спасибо, что хоть такой у нас есть.

С того дня паланчи Григор больше об атом не заговаривал.

* * *

Торик рос и вскоре окреп, вытянулся. Только голова его была непомерно маленькой.

— Башка у него больно маловата, — не удержался однажды паланчи Григор, хотя давно решил про себя не говорить на эту тему.

Жена не пропустила его слов мимо ушей.

— Ну и пусть маленькая, нам не орехи бить на его голове.

— Была бы чуть побольше, лучше бы варила... — возразил паланчи Григор.

Турвантан промолчала, с явной насмешкой смерив мужа взглядом с ног до головы.

А однажды случилось так, что паланчи Григор, выйдя прогуляться, взял с собой Торика. Несколько раз он останавливался на улице поболтать с приятелями. Торик, прижавшись к

нему, спокойно дожидаясь, пока Григор закончит разговор. Он не проявлял ни малейшего нетерпения, не требовал к себе внимания. И паланчи Григор стал чаще брать его с собой. А потом уже и не мог обходиться без него.

— Пусть ребенок сидит дома, — говорила Турвантан Коро, — он тебе будет мешать.

— Нет, жена, он совсем мне не мешает. Уцепится за мои шаровары и стоит себе смирненько.

Турвантан искренне радовалась сыну.

— Спасибо тебе, господи, что помог сироте найти родной кров, а нам познать родительскую радость. У нас с Григором ничего бы не получилось...

Постепенно паланчи Григор и Турвантан Коро так привыкли к Торику, что даже не представляли свою жизнь без него.

— Как бы мы с тобой жили, не будь у нас этого мальчонки? — спрашивал муж.

— Как, как, — сердилась жена, — сидели бы вдвоем у себя в норе и глядели бы друг на друга, пока не надоест.

— Эй, Торик! — громко звал Григор.

— Что Григор-ага? — сейчас же откликался Торик.

— Дай-ка воды попить, сынок!

Торик приносил воду.

Восторгу Турвантан не было предела, когда Торик называл ее мужа «Григор-агой», чему она сама научила мальчика. Поскольку никто на белом свете не звал его так и не будет звать, пусть хотя бы Торик зовет его Григор-ага.

— Торик, Торик, кто это стучится в дверь? — кричала она, прекрасно зная, что это муж.

— Это твой Григор-ага, — отвечал Торик.

Турвантан радостно прижимала малыша к своей груди, целовала его и говорила:

— Умереть Григор-аге за тебя...

* * *

Когда Торик немного подрос, он стал помогать матери по хозяйству.

— Торик, отнеси-ка домой мясо..

— Эй, Торик, возьми домой хлеб.

— Торик, сынок, сбегай к Григор-аге, скажи, чтобы купил уксуса.

И Торик выполнял все поручения с готовностью, безропотно. Только делал он все очень медленно: чтобы дойти от дома до мастерской Григор-аги и обратно, ему требовалось чуть не полдня.

Григор возвращался домой, а суп еще не был готов. Он удивлялся.

— Турвантан, милая, — говорил он своей жене, — так поздно, а у тебя суп не готов. Ты что, хочешь уморить меня голодом?

— Уж больно поздно прислал ты мясо.

— Что ты, я еще утром послал его с Ториком.

— А Торик пришел в полдень.

— Торик!!!

Мальчик покорно вставал и ясными глазами смотрел на него.

— Ты по дороге домой никуда не заходил?

— Нет.

Торик не обманывал. Он и вправду шел прямо домой, но по дороге частенько останавливался, с любопытством смотрел на прохожих, на бродячих циркачей с медведем, на кур, клюющих зерно где-нибудь во дворе, на дерущихся собак. Случалось, что, зазевавшись, он не замечал, как из-под мышки исчезал вдруг каравай хлеба или пучок зелени. Особенно он опаздывал в дни, когда на улице крупными хлопьями шел снег. Медленно опускавшиеся снежные хлопья доставляли Торику бесконечную радость, он поднимал голову и ждал, пока какая-нибудь снежинка упадет ему на ресницы.

И вот однажды, засмотревшись на что-то, он не заметил, как бродячая собака подкралась к нему и утащила из сумки мясо. Торик спохватился поздно, погнался за дворняжкой, не догнал.

В тот вечер паланчи Григор не выдержал и дал ему пощечину.

— Возьми наконец себя в руки, малыш, мы же деньги платим за мясо!

— Григор-ага, больше не буду, — сквозь слезы ответил мальчик, и такая грусть, такая тоска была в его голосе, что Григора охватило глубокое сожаление. Слезы навернулись ему на глаза, он отвернулся, чтобы мальчик не заметил. А Турвантан не выдержала и заплакала вместе с сыном, причитая:

— Зачем ты ударил сироту, чтоб руки твои отсохли.

А ночью в постели Турвантан повернулась к мужу спиной.

— Торик, что с тобой, — удивился паланчи Григор, — зачем ты отвернулась?

Турвантан молчала.

— Да в чем же дело?

Наконец паланчи Григору удалось повернуть к себе упорно молчавшую жену.

— Не смей больше руку поднимать на сироту. Что я отвечу на том свете своей сестре?

— Ну, раз сорвался, жена, — оправдывался Григор, — больше не буду, — и своими усами, похожими на метелку, прикоснулся к губам жены.

— Не мешай, я спать хочу.

Наступило молчание.

Каждый раз, когда Турван штопала одежду Торику, она недоумевала: почему у него продирались рукава не на локтях, как у всех детей, а выше, у плеч.

— Ба! — удивлялась она. — Что такое, просто ума не приложу!

Однажды Григор-ага решил пойти следом за Ториком и посмотреть, в чем дело. И все объяснилось. Всю дорогу в лавку Торик шел, касаясь стен правым, а домой, на обратном пути — левым плечом.

* * *

И вот наступил день, когда Торику повели в школу, в учебное заведение господина Ашура.

— Мясо тебе, кости нам, — сказал, как положено, паланчи Григор, подведя будущего ученика к учителю.

Господин учитель Ашур поглядел на Торику из-под очков. Мальчик стоял перед ним смиренно, держа руки по швам.

— Видать, смысленный, — сказал учитель.

Паланчи Григор просиял от гордости и сказал:

— Господин учитель, что ребенок видел дома, тому и учился.

Три года ходил Торик в школу господина Ашура, но одолеть армянский алфавит так и не сумел — читать не научился. Но Турвантан упорно настаивала на том, чтоб Торик продолжал ученье.

— Парень ничего не смыслит в грамоте, — возражал паланчи Григор, — зачем его мучить?

— Придет день, он все поймет, — твердила Турвантан.

— Если за три года читать и писать не научился, считай, он совсем осел и в люди не выбьется, — стоял на своем муж.

Турвантан улыбнулась и сказала:

— Бог мой, стало быть, ты тоже у меня осел, коль не умеешь ни писать, ни читать.

Паланчи Григор закусил язык. И Торик продолжал ходить в школу до тех пор, пока сам господин учитель не отказался от него. Он объяснил родителям, что их сын настолько отстал в ученье от своих сверстников, что сидит в одном классе с малышами, и держать его дольше в школе не имеет смысла.

— Помнишь, жена, ого отец тоже был туповат. Это у него по наследству.

— О покойниках плохо не говорят, — оборвала его Турвантан.

После долгого раздумья паланчи Григор предложил:

— Хочешь, я возьму его с собой в мастерскую, научу своему ремеслу, будет у него в руках кусок хлеба.

На сей раз Турвантан пришлось уступить мужу, потому что над верхней губой Торика уже пробивался пушок, голос стал ломаться. Ясно было, что у Торика нет ни любви к ученью, ни способностей.

* * *

В первый день паланчи Григор долго возился с сыном.

— Помни, Торик, нет хороших и плохих ремесел: все одинаково хороши, потому что спасают человека от нищеты, позволяют ему не склонять голову перед другими. А кроме того, в каждом ремесле есть что-то свое, хорошее. И в нашем тоже. Спроси-ка у меня, что именно?

— Что, Григор-ага?

— А то, что мы не с людьми имеем дело, а с ослами. Чего скалишь зубы, что смешного? — рассердился не на шутку Григор-паланчи. Торик хотел было сказать, что его рассмешил рев осла, донесшийся в этот момент с улицы, но смолчал: побоялся пощечины. А паланчи Григор тем временем продолжал наставлять:

— Ты не думай, что наше ремесло легкое, нет, дорогой, в каждом ремесле есть свои трудности и свои секреты.

— Верно, верно, Григор-ага, — поддакивал Торик.

— Ну так вот этим секретом ты должен овладеть.

— Буду стараться, Григор-ага, что здесь трудного.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, мы еще поглядим на тебя.

И Торик приступил к работе.

Сравнительно легко далось ему искусство шитья паланов[40]. Он научился плотно набивать мешок соломой, привязывать с боков веревками. Но самое сложное — отделка седла — не давалась.

Паланчи Григор порой терял терпение и в присутствии клиентов, прямо в мастерской, распекал Торика.

— Эй ты, ослиная башка, — кричал он раздраженно, — сто раз твержу одно и то же. Тебе в голову ничего не лезет.

— Григор-ага, при чем тут осел? — спрашивал Торик.

— А при том, что осел — тупое животное.

Подчас становилось нестерпимо тяжело Торику, и он убегал домой и жаловался Турвантан.

— Тетя Турик, я не гожусь в помощники Григор-аге, я больше не пойду в мастерскую.

— Сынок, все начинали так. А сколько колотушек получал твой Григор-ага, пока выучился наконец.

Опустив голову, Торик возвращался в мастерскую.

— Ну, образумился? — спрашивал паланчи Григор.

Торик молча брал шило и принимался за работу. Бывали неприятности и другого порядка.

В отсутствие паланчи Григора Торик становился за прилавков и продавал хурджины[41] намного дешевле их стоимости.

— Почему ты продаешь за полцены? — возмущался паланчи Григор.

Торик, потупив взор, молчал.

— Ну, отвечай же, осел! — кричал Григор.

— Так уж случилось, больше не буду.

— Ах ты негодяй, — горячился паланчи, — который раз ты даешь мне слово — и не сдерживаешь. Ну разве можно так?

Однажды ночью после очередной ссоры Торик пришел домой пьяным. Такого еще никогда не бывало.

— Вай, вай, — воскликнула Турвантан, — этого только недоставало, горе мне, — и стала бить себя по бедрам.

Утром она ласково подошла к племяннику и стала расспрашивать его, что заставило его напиться.

— Лучше бы я умер и меня похоронили рядом с матерью и отцом, — мрачно ответил он тетке.

— Зачем ты так говоришь?

— Григор-ага очень меня обижает, — признался Торик, и глаза его наполнились слезами.

Между тем время шло, и Торик плохо ли, хорошо, научился отделявать седла, разобрался в ценах, словом, постиг секреты дела.

И однажды паланчи Григор купил вина и водки, пригласил к себе приятелей, и когда веселье было в самом разгаре, подозвал Торику, посадил рядом с собой и ласково потрепав по щеке, сказал:

— Теперь ты стал настоящим мастером, к тебе не придерешься.

Торик ликовал.

— Эх, — говорила с гордостью Турнантан соседям, — Торик наша единственная опора и радость в жизни, кроме него, у нас нет родного человека на всем белом свете.

* * *

Время бежало быстро.

Умер паланчи Григор. Не болел, не мучился. Просто, придя как-то домой из лавки, сказал:

— Турин, что-то меня сильно знобит.

Жена уложила его в постель, укутала шерстяным одеялом, подложила под ноги горячий кирпич. Но паланчи Григор не дожил и до следующего дня. К утру его не стало.

— Тетушка Турвантан, не убивайся, — успокаивал ее Торик, — пока я жив, ты не будешь одна, я никогда тебя не брошу.

Рыдая, Турвантан обняла Торику и прошептала на ухо:

— Сынок, выдерни у покойника золотые зубы, это он сам просил, может, пригодятся.

Торик сумел сохранить клиентуру Григора-аги. Торговля шла без убытков. Только раньше они вдвоем орудовали в мастерской, а теперь Торик управлялся со всеми делами один.

— Не бойся, проживем, — говорила Торику Турвантан, — нам многого не надо.

Турвантан и Торик вспоминали часто паланчи Григора. Появится на рынке весной свежая зелень — укроп, сельдерей, — Турвантан говорила:

— Покойный Григор-ага любил зелень.

Появлялись на рынке свежие огурцы, и говорил Торик:

— Наш Григор-ага любил огурцы.

Так чтили память паланчи Григора.

Клиенты о прежнем хозяине вспоминали только тогда, когда снимали с ослов изношенные седла, сделанные еще руками старого мастера.

— Сегодня я латал пять паланов, все пять работы нашего Григора-аги, — рассказывал вечером Торик тетке.

В глазах у Турвантан всегда были наготове две-три слезинки, при удобном случае они тут же скатывались по ее щекам.

* * *

Каждая мать, собираясь женить своего сына, ищет невесту побогаче.

Так случилось и с Турвантан.

— Торик, сынок, — объявила она однажды, — завтра я иду сватать за тебя дочь фабриканта.

— Ха, ха, ха, — засмеялся Торик, но потом весь день ходил сам не свой, а ночью даже не смог сомкнуть глаз. Перед его взором все стояла дочь фабриканта, словно яркий солнечный луч, как потом он сам признался Турвантан.

И вот Турвантан подошла к огромной дубовой двери дома фабриканта, со всей силой постучала в нее и стала ждать.

Никто не отзывался.

— Верно, не слышат, — подумала она и стала стучать еще сильнее.

Вдруг до нее донесся чей-то смех. Она прислушалась. Смех становился все громче. Турвантан взглянула вверх и успела заметить чью-то голову, мгновенно скрывающуюся в окне. Вновь раздался хохот. Холодный пот прошиб Турвантан.

— Вай, чтоб я ослепла, несчастная... Лучше б провалиться мне сквозь землю, — застонала она и медленно поплелась прочь. Ей хотелось поскорей уйти от позора, но ноги подкашивались. Если бы она посмела обернуться, то увидела бы, как несколько человек, высунувшись из окна, громко и нагло смеялись ей вслед.

Турвантан с трудом дошла до первого перекрестка, свернула за угол и прислонилась к стене.

Когда Торик узнал об этом, он сказал:

— Тетушка, она, собственно, мне не очень-то и нравилась, эта дочь фабриканта, я согласился, лишь бы не обидеть тебя.

Но эта неудача не сломила Турвантан. Спустя несколько дней она вновь пустилась на поиски невесты для Торики, но теперь уже не метила так высоко.

— У меня на примете одна девушка, — сказала Турвантан Торику, — только вот не знаю, будет она тебе по душе или нет.

— А кто она?

— Дочь Киракоса Эфенди.

— Младшая, что ли? — спросил Торик и почувствовал, как сердце запрыгало у него в груди.

— Нет, старшая.

— Что ж, старшая тоже недурна собой.

Киракос Эфенди принял Турвантан, но был так холоден и высокомерен, что она даже не решилась сказать о цели своего посещения. Она почувствовала себя хуже, чем у дверей фабриканта.

Как же объяснить, зачем она пришла в дом, порог которого раньше не переступала никогда? Рубаха у Турвантан вся промокла от пота, пока она собралась с мыслями и проговорила:

— Я пришла спросить, не найдется ли у вас какая-нибудь работа для несчастной женщины, оставшейся без мужа, с малыми детьми на руках. Жалко ее.

Жена Киракоса Эфенди пообещала гостье сделать все возможное.

Турвантан накинула на голову платок и вышла на улицу.

— Боже мой, — говорила она, — что стало бы со мной, если бы я вовремя не придумала эту историю.

Выслушав тетку, Торик упрекнул ее:

— Надо было прямо сказать, зачем ты пришла к ним.

— Поглядел бы ты, как вытянулись их лица, — оправдывалась Турвантан.

Не прошло и недели как Турвантан возобновила поиски невесты. Теперь она присматривалась к дочерям простых торговцев.

— Гм... Торик... не посватать ли нам дочь Игната-аги? — спросила Турвантан.

— А не получишь опять от ворот поворот? — тревожно спросил Торик.

— Не думаю.

На этот раз Турвантан была уверенней в себе. Но пришла она от Игната-аги совсем подавленная.

— Ну что, ушла не солоно хлебавши?

— Хорошо бы так, да ведь хуже.

— Что же они сказали? — встревожился не на шутку Торик.

— Ну, угадай, что сказала мне ее матушка.

Торик молчал. Он сгорал от нетерпения, но старался казаться спокойным.

— Представь себе, эта дрянь мне заявила: «А я-то думала, ты пришла забрать наше белье в стирку». Слыхано ли такое?

Торик впервые в жизни выругался непотребно, а Турвантан послала в адрес Игната-аги и его жены проклятья.

Наученные горьким опытом, мать и сын теперь уже искали невесту среди своего окружения — ремесленников. Уверенные в том, что любой ремесленник в их городе сочтет за честь выдать свою дочь за паланчи Торики, они не спешили с выбором, перебирали девушек.

— Вот дочь пекаря Симона...

— Хороша, но уж больно мала ростом, — возражал Торик.

— А младшая дочь каменщика Огасаби?

— Тоже ничего, да слишком рыжая, не нравится что-то мне.

— Дочь мясника Асатура? — продолжала Турвантан.

— Непоседа она и вертлява очень.

— А старшая дочка сапожника Тороса?

— Ну что ж, — засмеялся Торик.

Накинув на голову платок, Турвантан направилась прямо к сапожнику.

Старшая дочь его Луснигаг поставила перед гостьей чашечку кофе.

— Как выросла, стройная стала, — похвалила девушку Турвантан и сразу же завела разговор о сватовстве.

— Турвантан, — прервала ее жена сапожника, — об этом и речи не может быть. Пока Луснигаг не окончит школу, я ее замуж не отдам, — и так сухо поджала губы, что Турвантан только и оставалось распрощаться и уйти.

После этого поражения Турвантан, ничего не говоря Торику, заходила подряд ко всем: к мяснику Асатуру, к каменщику Огасабу, к пекарю Симону — и везде получала отказ.

А каменщик Огасаб даже обиделся.

— Твой Торик молокосос, — заявил он.

Что же оставалось после этого делать? Составили мать и сын список всех ремесленников в городе, и Турвантан обходила все дома по очереди и все с тем же печальным результатом возвращалась домой.

Эти неудачи выводили Торику из себя, он каждый раз ругался, посылал все к черту, нервничал.

И конечно, все это стало предметом сплетен и пересудов соседей и всей округи. По своей наивности Турвантан откровенно рассказывала всем о своих неудачах и переживаниях. В конце концов Турвантан пришла к выводу, что всему виной то, что Торик — сирота.

— Торик мой сирота, вот и не везет ему, нет ему счастья.

Как-то зашла к ней в гости соседка и сказала:

— Послушай, Турвантан, я нашла для твоего Торики хорошую невесту.

— Кто же она?

— Дочь Овакима.

Лицо Турвантан покрылось красными пятнами.

— Какого Овакима? — спросила она.

— Как какого? Сына бедного Лазаря не знаешь?

Наступило тягостное молчание.

Овакима все звали бедным Лазарем, потому что он был золотарем[42], то есть самым последним человеком во всем городе. У него было пять дочерей, одна красивее другой и жила семья в крайней нищете.

— От тебя я не ожидала такого, — сказала Турвантан с досадой.

Ее сердце больно сжалось за сына...

— Турвантан Коро, — продолжала соседка, — брось эти шутки, дочь золотаря Лазаря ничуть не хуже дочерей фабриканта, даже красивей их, если хочешь знать.

— Как бы не так...

— Не упряжься. Если тебе на самом деле нужна невестка, так лучше дочери Овакима не найдешь. Ведь всюду тебе дают от ворот поворот.

Турвантан замолчала и в бессильной ярости уставилась на соседку: ей не о чем было говорить с ней, она ждала, когда соседка уберется.

Вечером Турвантан пересказала Торику, ничего не тая, весь разговор с соседкой.

Торик тоже был оскорблен.

— Боже мой, до чего мы дожили, — сказал он, — неужели они думали, что я женюсь на дочери золотаря Лазаря?

— Этого еще не хватало, — бросила тетюшка Турвантан.

* * *

Время летело быстро.

Торик мечтал о светловолосой девушке, томился одиночеством, нервничал. Часто он вскакивал среди ночи с постели, садился, свесив ноги, вздыхал тяжело и курил одну папиросу за другой. В конце концов он пришел к выводу, что уж лучше жениться на дочери бедного Лазаря, чем остаться бобылем. Но Турвантан упорствовала, отказывалась идти на поклон к Овакиму.

Она уверяла всех и вся, что скорее убьет своего Торику, чем позволит ему привести в дом эту девушку невесткой. Что ей было до мучений Торику...

— Убей меня, а родниться не стану с золотарем, — упорствовала Турвантан.

Торик молчал. Он был не в силах что-либо предпринять. Ведь ни один молодой человек в их городе самостоятельно не решал вопрос о женитьбе, даже если у него и была возлюбленная.

Но в бессилии что-либо изменить, он порой яростно бил посуду, напивался, ночью не приходил домой. Турвантан, обеспокоенная всеми этими переменами в племяннике, обещала ему пойти к золотарю.

— Турвантан, — сразу же заявила жена святого Лазаря, — у нас нет дочек на выданье.

— Как это нет? — удивилась Турвантан. — Трем из пяти твоих дочек давно пора быть замужем.

— Они у нас все сосватаны, спасибо за беспокойство, — надменно заявила жена Овакима.

Турвантан не поверила ей.

— Курица всегда ищет яйцо в своем помете.

Жена Овакима вспылила.

— Не говори глупостей, не сегодня-завтра сама узнаешь обо всем.

— Скажи мне свое последнее слово, — упорствовала Турвантан.

— Мое последнее слово такое же, как и первое, — отрезала жена Овакима, — нет у меня подходящих дочек для твоего Торику. Он у тебя не мужчина, а какая-то размазня, тьфу!

С влажными глазами Турвантан оставила дом золотаря Овакима. От стыда и негодования она совсем была вне себя, наговорила таких слов, каких никто от нее не слышал никогда.

На следующий день Торик случайно встретил на улице золотаря Овакима и сказал ему:

— Оваким, зайди к нам на днях почистить уборную.

Оваким ничего не ответил. Через несколько дней с той же просьбой обратился к нему другой сосед. На этот раз золотарь резко оборвал говорившего:

— Мало у меня своих забот, что ли? Свою уборную сам почистишь, нос у тебя не отвалится.

Все были удивлены. С ума сошел, что ли, этот золотарь Оваким, что с ним стало ни с того ни с сего? Ведь еще десять дней назад, увидев у своих соседей золотаря из другого квартала, он подошел и сказал:

— Тебе не совестно отнимать у меня кусок хлеба?

Выяснилось потом, что какой-то армянин, приехавший из Америки, обручился с одной из дочерей Лазаря, а остальных сосватал за своих двоюродных братьев. Будущий зять обещал взять с собой всю семью в Америку.

Говорили, что он отсчитал бедному Лазарю двести долларов и сказал:

— Папаша, теперь ты можешь валяться с утра до вечера в постели и плевать в потолок, у меня денег хватит, все будет ол райт.

Турвантан же рассказывала соседям:

— Видели бы вы, как они упрашивали меня, умоляли, чтобы я взяла их дочь, но я не захотела.

Когда Торик узнал, какую чушь городит его тетка, он сказал:

— Тетушка Турвантан, не надо говорить неправду. Какая польза от этого?

Турвантан промолчала.

Торик по-прежнему не находил себе места, страдал, особенно тяжело ему стало, когда приезжий из Америки раздел дочерей золотаря и вышел с ними гулять по улице, словно они были в Америке.

Сам же бедный Лазарь вышел на улицу в парадном европейском костюме, в галстук, с плащом на руке. Когда он проходил мимо ее дома, Турвантан чуть не лопнула от зависти.

— Господи, поглядите-ка на него, продал дочерей и как вырядился, — прошипела она.

— Почему это продал? — заступился Торик. — Человек выдал замуж дочерей. Была бы ты порасторопней, наверно, и мне досталась бы одна.

— Что ты болтаешь? — возмутилась Турвантан.

— Тетушка, теперь незачем понапрасну молоть языком. Ты лучше пойд и найди мне невесту.

— И найду, ты не бойся, — ответила Турвантан Коро, хоть сама уже не верила в это. Еще накануне, втайне от Торика, она сама ходила сватать девушку, и ее там огорошили:

— Ты пришла сватать за этого оболтуса нашу дочь? Мы не для осла вскормили и воспитали девушку!

* * *

Однажды утром Торик мрачно остановился перед своей мастерской. Ему не хотелось открывать двери, ноги сами тянулись в кабак, но по привычке он отпер замок. Только он вошел в мастерскую — его окликнул приятель:

— Торик...

— Иди лучше своей дорогой, — отрезал Торик, сел перед паланом, взял в руки шило, но не успел сделать и одного стежка, как ввалился к нему приятель.

— Здравствуй, Торик.

Торик едва ответил на приветствие.

— В чем дело, что ты снова слюни распустил?

— Не спрашивай, голова трещит.

— Я тебе такое сейчас скажу.

Торик поднял голову.

— Ты ничего не слыхал? — спросил его приятель.

— Нет? — Торик отложил шило в сторону.

— В наш город привезли проституток...

— Проституток?!

— Да, целых три.

Торик произнес что-то невнятное.

— Такие хорошенькие, просто прелесть.

— А ты их видел?

— Нет, люди говорят.

Наступило молчание. Торик не представлял, как выглядят женщины легкого поведения, хоть и много слышал о них.

— Махнем сегодня к ним? — предложил приятель.

Торик странно засмеялся, — словно овца заблеяла от радости.

— Деньги у тебя есть?

— Денег-то много, — гордо ответил Торик.

— Так пойдем?

Торик замялся и неуверенно поглядел на приятеля.

— Сегодня в полночь жди меня под деревом у дома Аганик, я приду.

— А где живут эти женщины? — спросил Торик.

— В нижнем квартале.

Торик прошел в другой конец лавки, где были сложены горой паланы и позвал приятеля. Они распили по стаканчику водки.

— Ох, по всем жилам потекла! — удовлетворенно сказал приятель и, договорившись с Ториком ровно в полночь встретиться у условленного дерева, ушел.

Торик снова сел за палан, взял в руки большую иглу, но работа не клеилась, его воображению представлялись необычайные картины, заманчивые и в то же время внушающие страх.

— Торик, где ты? — позвал его кто-то.

Ответа не последовало. Торик ничего не слышал, он был весь во власти разыгравшегося воображения.

— Женщина легкого поведения, — думал он, — брр... страшно как.

Вспомнилось ему несколько историй, связанных с подобными женщинами. Приехавшего из Греции учителя господина Бурназяна за связь с проститутками водили по улицам, плевали в лицо и позорили всенародно. Адвоката Кумлесеряна — одного из видных людей города — поймали на улице, вымазали лицо грязью, а хромым Артин вынужден был в полночь бежать из города, и до сих пор неизвестно, что с ним стало. Одна за другой всплывали в его памяти эти картины. Тем не менее в полночь под деревом у дома Аганик встретились две тени.

— Кто идет? — спросила одна.

— Это я, Торик, — ответила другая.

— Почему опоздал?

Торик взял приятеля за руку.

— Постой, дай отдышаться, — попросил он.

— Пошли, а то придем к шапочному разбору, — ответил приятель.

Торик был сильно возбужден, голова горела, он стоял как вкопанный, не в силах сделать шаг, но ему казалось, что какая-то сила его оторвала от земли и унесла в облака...

— Идем, — сказал приятель и силой потащил Торика за собой.

Ровно в полночь две тени выскользнули из-под дерева перед домом Аганик и двинулись в сторону нижнего квартала.

— Куда ты меня ведешь?

— В нижний квартал, они там.

На Торику напала дрожь. Он вытащил из-за пазухи бутылочку водки, протянул приятелю. Тот приложился к горлышку, выдул половину и вернул Торику, Торик допил остальное.

— Ох, по всем жилам потекла! — сказал приятель, и они пошли дальше.

Ночь была тихая, теплая. Они прошли мимо цветущих кустов, медовый аромат которых заставил Торику вдохнуть воздух всей грудью. Среди умиротворенного затишья природы только его сердце тревожно билось, словно бурная речка, которая текла в нижнем квартале.

— Скоро? — спросил Торик.

— Уже подходим.

Торик посмотрел на небо. Казалось, оно нависло над ними низко-низко, и до звезды, весело улыбавшейся ему, можно дотянуться рукой.

Приятель остановился перед каким-то домиком, в двух крошечных окошках которого горел свет.

— Здесь они живут, — сказал наконец приятель.

— Что ты говоришь? — Торику словно пригвоздило к земле.

— Они еще не спят.

— Откуда ты знаешь?

— Видишь, лампа у них светится. Приятель подошел к окну и тихо постучал по стеклу.

Молчание.

Торик подошел к приятелю:

— Пошли обратно.

— Не дури, — сказал приятель и снова постучал.

— Слушай, а вдруг мы ошиблись.

Не обращая на Торику внимания, приятель постучал еще сильнее.

И вдруг дверь тихонько скрипнула и отворилась.

Сердце Торику дрогнуло.

Приятель стал шептаться с кем-то.

— Торик, пойдй сюда, — позвал он.

Торик даже не почувствовал, как ноги сами понесли его на голос. Приятели вошли в темный коридор. Дверь за ними захлопнулась. В темноте кто-то взял Торику за руку. Это была женская рука, маленькая, нежная. Отворилась дверь комнаты, и часть коридора осветилась, — их встречала полуобнаженная женщина с золотистыми волосами. В комнате была еще одна женщина, она лежала, в постели.

— Сколько их, — спросила лежавшая женщина, когда приятели вошли в комнату.

— Двое, — ответила девушка, открывшая дверь.

— Я тогда не буду вставать, — сказала она и повернулась к стене.

Торик остановился посреди комнаты и невидящими глазами глядел под ноги. Голова была как в тумане, сердце стучало бешено. К нему подошла блондинка, взяла его за руку, повела за собой и посадила на кровать. Приятель и вторая девушка устроились на другой кровати. Постель с белой простыней показалась Торику облачком, а девушка — птичкой, вдруг вспорхнувшей и севшей на его колени.

Торик и сам не понял, как обнял девушку с золотистыми волосами и прижал к себе. Впервые в жизни он чувствовал женщину так близко, впервые дыхание женщины касалось его лица, он чувствовал аромат ее тела. О, этот аромат был нежнее аромата цветов, растущих на берегу реки в нижнем квартале. Обнимая своими крепкими сильными руками девушку, он хотел было сказать ей: «Я люблю тебя», — но слова словно застряли в горле:

— Ты любишь яблоки? — сказал он тихо.

— Люблю, — был ответ.

— Хочешь, принесу тебе яблок? — осмелев, предложил Торик.

— Нет, нет, не надо, — улыбнулась девушка.

— Нет, я пойду за яблоками.

— Ты уйдешь и больше не вернешься, — встревожилась она.

— Что ты говоришь? Да если ты даже уйдешь на край света, я и там разыщу тебя! — воскликнул он.

РЕКЛАМА

Девушка улыбнулась. В его словах было столько искренности и чистоты.

— Ты веришь мне? — спросил Торик.

— Верю, — сказала девушка и крепко обняла его. Торик поцеловал ее в губы. Этот поцелуй зажег юношу, ему вдруг захотелось говорить, всю душу излить, высказать

затаенные в сердце ласковые слова, но язык отнялся от радости, он только глядел на девушку, в ее голубые бездонные глаза, гладил золотые волосы.

— Как ты там, Торик? — вдруг спросил его приятель.

— Не спрашивай, все прекрасно, — ответил Торик и снова стал целовать свою девушку.

Приятель и его девушка цинично захохотали.

Торик обиделся:

— Чего вы смеетесь, я эту девушку не променяю ни на кого на свете.

Он обернулся к своей подруге. Она улыбалась. В ее улыбке были и усмешка и удивление. Многие ей говорили такие слова, но у Торики глаза горели особым огнем, губы дрожали. Он явно не находил слов, чтоб выразить то, что чувствовал. После долгого молчания Торик прошептал ей на ухо:

— Как тебя зовут?

— Анжела.

— Анжела?

— Да.

Торик никогда прежде не слышал такого имени.

— Я не расслышал тебя, — вновь прошептал он.

— Я говорю, меня зовут Анжелой.

Девушка заметила удивление Торики.

— Ты не знаешь, что означает Анжела?

— Хи, хи, хи, — засмеялся Торик, — никогда не слышал такого имени.

— Анжела — это значит ангел, — пояснила она.

— Ангел?

— Да.

— И верно. Ты действительно ангел, я понял это, как увидел тебя.

— Я правду говорю, — улыбнулась девушка.

— Я верю, дорогая, ангелы не могут врать.

Анжела прижалась к Торику.

— Хочешь, пойду принесу что-нибудь поесть? — вновь предложил Торик.

— Нет, не надо.

— А я хочу принести, — настаивал Торик.

— Лучше в следующий раз.

— В какой это следующий раз? Я сейчас заберу тебя домой.

— К себе домой? — удивилась девушка. — Зачем же?

— Хочу, чтобы ты бросила это дело, я не оставлю тебя здесь.

Голубые спокойные глаза Анжелы наполнились слезами.

— Зачем ты заставляешь девушку плакать? — упрекнул приятель.

— Не суй свой нос куда не следует, — отрезал Торик. А потом обернулся к девушке: — Не плачь, дорогая, я возьму тебя к себе домой, будешь жить у меня, как царица.

Анжела почувствовала искренность и нежность чувств в этом нескладном, простом парне и ласково обняла его.

Торик нежно провел рукой по ее щекам.

— У меня только одна тетя, и больше никого, — сказал он.

— А если она не согласится? — спросила девушка.

— Не бойся, — гордо сказал он, — дом принадлежит мне. Так что собирай свои пожитки и пошли.

— Давай отложим на утро.

— Нет, я хочу сейчас, не хочу, чтобы ты оставалась здесь больше ни на одну минуту.

Девушку одолевали сомнения. Куда она пойдет на ночь глядя с незнакомым человеком. Может быть, он хочет увести ее, замучить, а утром выпроводить на улицу.

— А где ты живешь? — спросила Анжела, чтобы хоть немного собраться с мыслями.

— Знаешь, где находится большой родник? Вот напротив этого родника мой дом.

— Давай лучше утром пойдем, — попросила девушка.

— Нет сейчас, собирайся, нам пора.

— Зачем нам нарушать ночью покой твоей тети?

— Моя тетюшка с ума сойдет от радости. Пошли.

Анжела молчала, она колебалась, хотя в душе никакого страха не испытывала.

— Если боишься, в эту ночь можешь лечь спать с моей тетей, — предложил Торик, — а утром рано отправимся в церковь и обвенчаемся.

Анжела решительно поднялась, вытащила из-под кровати чемодан, уложила в него свое белье, затем надела пальто и шляпу.

— Ты куда собралась? — удивленно спросила подруга.

Вместо Анжелы ответил Торик:

— Ко мне домой.

Подруга Анжелы недоуменно молчала.

— Чего уставились на меня, она будет моей женой.

Увидев решительность и смелость Торики, Анжела взяла его под руку и положила голову ему на плечо. Торик обнял ее, поцеловал и сказал:

— Ангел мой, идем.

Анжела подошла к кровати спящей подруги и поцеловала ее. Та проснулась и спросонья подумала, что и к ней пришел клиент, быстро вскочила, но, увидев перед собой Анжелу в пальто и шляпе, так и застыла на месте.

— Куда собралась?

— К себе домой, — ответил Торик и взял чемодан Анжелы.

Анжела попрощалась с подругами.

— Приходи к нам, пока мы здесь, не забывай, — попросила подруга.

— Нет уж, дудки, ее ноги больше здесь не будет, — сказал Торик.

На улице Анжела прижалась к Торику и спросила:

— Мы пойдем прямо к тебе домой?

— Конечно, к нам домой.

— К нам домой, — радостно повторила Анжела и схватилась за сердце. Оно готово было выскочить из груди. Правда, где-то шевелилось сомнение, но радость брала верх.

«Нет, этот простой, неотесанный человек не обманет меня», — думала Анжела и прижималась к Торику.

— Как только устанешь, скажи, я возьму тебя на руки и донесу до дома.

— Нет, я не устану, — ответила Анжела.

Небо еще ниже придвинулось к земле, звезды, казалось, вот-вот посыпятся вниз. Аромат цветов на берегу реки был похож на аромат Анжелы, такой же свежий и легкий.

* * *

Турвантан спала, когда Торик зажег свет в комнате.

— Тетя Турик, вставай, я нашел себе жену.

Турвантан вскочила с постели и, раскрыв слипшиеся глаза, увидела Анжелу, которая, дрожа от страха, стояла на пороге.

— Что ты говоришь! — воскликнула Турвантан, протирая глаза.

— Смотри. Вот моя жена.

Словно онемевшая от испуга птичка, смотрела Анжела на Турвантан.

— Ах, она как ангел красива.

— Ее и зовут ангелом, — с гордостью сообщил Торик.

Турвантан обняла Анжелу, расцеловала ее.

— Тетушка Турик, мы проголодались, приготовь что-нибудь поесть.

Турвантан торопливо вышла из комнаты.

— Садись мой ангел, вот твой дом, все здесь твое, все, — сказал Торик.

Анжела посмотрела на чисто прибранную комнату и прослезилась.

— Что ты плачешь, — спросил Торик, лаская ее золотистые волосы своими грубыми пальцами.

— Это я от счастья плачу, — ответила она, сквозь слезы.

— Не надо, милая, не надо. С сегодняшнего дня ты не должна больше плакать. Пока я жив, на твоих глазах не будет слез.

В комнату вошла Турвантан, увидела плачущую Анжелу и напустилась на Торика:

— Ты обидел ее?

— Да нет, тетя, я ее не обижал, это она от счастья плачет.

Турвантан подошла к Анжеле, обняла ее и сказала:

— Не плачь, доченька, не плачь, видно, ты сирота. Мой Торик тоже сирота. Я и тебе стану матерью.

Торик и Анжела поужинали, поели масло, сыр с зеленью, а Турвантан сидела напротив, скрестив руки на груди, и с восторгом, и с материнской любовью наблюдала за ними.

— Такой женщины, как моя тетушка Турик, нет на свете, — говорил Торик.

— Она хорошая, — воскликнула Анжела, улыбаясь Турвантан белозубой улыбкой.

Потом Турвантан поднялась, постелила постель для новобрачных в другой комнате, убрала посуду и сказала:

— Торик, сынок, твой ангел устал, ложитесь спать.

Спустя некоторое время Торик погасил лампу...

* * *

Торик проснулся рано утром и увидел рядом с собой Анжелу. Ее золотистые волосы были разбросаны по подушке, словно лучи утреннего солнца. Он долго смотрел на ее пухлые, розовые руки. Анжела открыла глаза, и они засверкали, как волны горного озера.

— Спи, хорошая моя, еще рано.

Анжела повернулась на другой бок и закрыла глаза. Торик на цыпочках вышел из комнаты.

Турвантан уже хлопотала на кухне.

— Тетушка Турик, чем ты занята? — спросил ее Торик.

— Делаю халву, сынок, для твоей голубоглазой женушки.

Торик с благодарностью и любовью обнял старую тетушку.

— Правда, хорошая у меня жена?

— Где ты только разыскал такого ангелочка? — спросила она.

Торик мог и не говорить ей ни о чем, очень может быть, что она так и не узнала бы правды, но он ничего не утаил, рассказал все, как было.

— Вай, лучше бы я ослепла и не видела этого позора! — воскликнула Турвантан, ударяя себя по коленям.

Торик был поражен.

— Что с тобой случилось, тетушка? — спросил он.

— Торик, сынок, лучше бы ты убил меня, чем свалил на меня такое горе, — сквозь слезы говорила Турвантан.

Ослепленный своей любовью, Торик не в состоянии был понять старую женщину.

— Ноготок своей жены я не променяю на дочь твоего фабриканта, — решительно заявил Торик.

— Ах, что скажут люди, — продолжала причитать Турвантан, — как я посмотрю в глаза людям, лучше бы ты похоронил меня рядом с Григором-агой.

— Тетушка Турик, Анжела такая же сирота как я, не говори о ней плохо, — взволнованно сказал Торик.

В это время из комнаты вышла Анжела, увидела Турвантан и Торику, радостно подбежала к Торик и поцеловала его. Турвантан искоса поглядела на Анжелу.

Торик же поднял жену на руки и стал носить ее взад и вперед.

— Ты такая легкая, как маленькая птичка.

Анжела спрыгнула на пол, подошла к Турвантан, положила свою золотую головку ей на колени и прошептала:

— Тетушка Турик, ты мне будешь мамой, а я тебе буду послушная дочь, хорошо?

Слова Анжелы тронули Турвантан. Она поцеловала Анжелу, но ничего не ответила.

Спустя некоторое время, когда Торик и Анжела позавтракали, поели халву, Торик объявил:

— А сейчас мы пойдем с тобой в церковь венчаться.

Анжела благодарно посмотрела на него.

* * *

— У вас нет свидетельства о рождении, сын мой, — сказал поп.

— Да будет вам, отец, и без него обойдемся, — сказал Торик и положил в руки священника золотой.

Поп взял Библию и прочел: «Станете одно тело и одна душа...»

— Станете одно тело и одна душа, — очень верно сказано, — воскликнул Торик, а Анжела молча и со страхом поцеловала серебряный крест.

Когда они вернулись домой, Турвантан спросила Торику.

— Ты сегодня пойдешь в мастерскую?

— В такой день я не буду работать, — ответил Торик и ласково посмотрел на свою жену.

— Ты обязательно пойдешь в мастерскую, — дружески подсказала Анжела, — от работы нельзя отказываться.

— А ты?

— Я буду помогать тетушке Турик, пока ты вернешься.

— Никуда не уйдешь? — спросил Торик с опаской.

Она поняла, что его мучает. Она подошла к нему, нежно поцеловала его и сказала:

— До самой смерти я никуда не уйду, я твоя навеки.

— Ангел ты мой, родная моя!

Торик побежал открывать свою лавку.

Турвантан и Анжела вместе взялись за уборку, и Анжела спросила:

— Тетушка, а чем занимается наш Торик?

— У него мастерская. Он шьет паланы для вьючных ослов.

Анжела замолчала.

— Что, не по душе тебе его работа?

— Нет, почему же, работа не плохая, — и, уловив выражение недоверия на лице Турвантан, прибавила: — Всякая работа хороша и почетна, не правда ли, тетушка?

А Торику тем временем совсем не работалось. Он попросил соседа присмотреть за лавкой, а сам помчался домой.

— Пойду, погляжу, как там мой ангелочек.

Анжела между тем выставила из комнаты все вещи, босиком мыла полы, перевязав свои золотые волосы белой лентой.

— Чем ты занята, ангел мой? — спросил Торик, войдя в дом.

— Решила уборкой заняться, — улыбнулась ему Анжела.

— Жenuшка ты моя родная, — ласково сказал Торик и припал к ее ногам.

Анжела заставила его подняться и тихо прошептала:

— Торик, душа моя.

Когда Торик вновь собрался идти в лавку, Анжела спросила его:

— Ты не будешь возражать, если я сделаю небольшую перестановку в нашей комнате?

— Как тебе хочется, так и расставляй мебель. Что бы ты ни сделала, мне понравится.

Анжела запрыгала от радости.

А вечером, когда Торик вернулся домой, он с трудом узнал свой дом. Вся мебель была расставлена по-новому, удобно, со вкусом, — хотя никаких новых вещей не прибавилось, комната казалась нарядней и светлей.

Торик долго, восхищенным взором оглядывал все кругом, и сердце его радовалось.

— Ангел мой, — произнес Торик искренне, — ты ведь устала, ложись сегодня спать пораньше.

Анжела уверяла его, что не устала, ибо работать ей было легко и радостно.

Торик не поверил ей, потому что знал по опыту, как устает человек от работы, и все просил ее лечь поскорей.

* * *

Дни пролетали быстро, как взмывшие в небесные выси голуби. Счастью Торика не было предела. Но по городу ползли слухи.

— Эй, ты слышал, — говорили друг другу на улице приятели. — Паланчи Торик привел к себе в дом проститутку.

Весь город пальцем показывал на Торика. Даже тот приятель, который познакомил его с Анжелой, порвал дружбу с Ториком, да еще направо-налево всем рассказывал:

— Понимаете, как увидел Торик эту женщину, так схватил ее, словно коршун добычу, и увел к себе домой.

Турвантан хоть и молчала, прикусила язык, но не мирилась с ужасной действительностью. «До чего я дожила, — горевала она, — моя невестка — проститутка». Она месяцами не выходила на улицу — ни в баню, ни на рынок, ни в церковь, ни к своим близким приятельницам.

— Буду сидеть дома, пока богу душу не отдам, такого позора я не перенесу, — твердила она.

Анжела тоже из дому не выходила, чтобы не появляться на глаза людям и не подавать повода для разговоров, днем и ночью занималась хозяйством, а Торик не обращал на пересуды никакого внимания. Он гордо расхаживал по городу, лихо надвинув шапку на лоб.

— Покажите мне хоть чью-нибудь дочь, которая была бы порядочней моей жены, — говорил он. — Вот, к примеру, дочь Енго. Так она не то еще вытворяла. А разве дочь Демирчохла не осталась с животом, не имея еще мужа? Ну кого еще привести в пример? Да что там! Разве не дочь Суриева родила ребенка от своего же слуги? А дочь Чавушыа Керопа не сбежала с любовником в другой город? Ничего себе, порядочные. Ха, ха, ха...

Все это было правдой, но об этих сплетничали втихомолку.

Однажды Анжела, но выдержав, заплакала:

— Торик, бесценный мой, лучше я уеду из этого города, ты избавишься от сплетен.

— Что ты болтаешь, — возмутился Торик, — ты с ума сошла. Ты для меня самая святая женщина на земле.

Анжела благодарно прижалась к мужу.